

В поисках небожителей

Наверное, наиболее грандиозные поиски средства для бессмертия предприняли первый циньский император Ши-хуан-ди (III в. до н.э.) и седьмой ханьский У-ди (II—I вв. до н.э.). Вот как об этом пишет древнекитайский историк Сыма Цянь, современник У-ди, в своих «Исторических записки» (М.: Наталис, 2006).

Основные записи о деяниях Цинь Ши-хуан-ди

<...>На двадцать восьмом году (219 г. до н. э.) Ши-хуан объехал области и уезды на востоке. <...> На юге поднялся на гору Ланье. Ему очень понравилось это место, и он пробыл там три месяца. <...> Построив террасу Ланьэтай, установил там камень с надписью, в которой воспевались добродетели Цинь и прославлялась суть его свершений <...>

Когда в Ланье все было окончено, Сюй Ши, уроженец княжества Ци, представил императору доклад, в котором сообщалось, что посреди моря есть три священные горы, населенные небожителями и носящие названия Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу. Он просил разрешить ему, очистив себя постом и взяв с собой мальчиков и девочек, отправиться на поиски этих гор. Император послал Сюй Ши собрать несколько тысяч мальчиков и девочек и затем отправил их в море на поиски небожителей. <...>

На тридцать втором году правления (215 г.) Ши-хуан прибыл на гору Цзеши, откуда послал Лу-шэна, уроженца княжества Янь, на поиски мудрецов Сянь Мэня и Гао Ши. Вырезал на скалах у Цзеши надпись [о том, как] разрушили городские стены и срыли оборонительные насыпи и дамбы. <...>

После этого [Ши-хуан] послал Хань Чжуна, Хоу-гуна и Ши-шэна на поиски лекарства бессмертия, употребляемого святыми. Объехав северные пограничные земли, Ши-хуан возвратился в столицу через область Шанцзюнь.

В это время яньский Лу-шэн, посланный ранее в море, вернулся и доложил о делах духов людей и небесных духов, вслед за чем представил «[Гадательные] записи, содержащие чертежи», в которых говорилось: «Погубят Цинь хусцы».

Тогда Ши-хуан послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсоттысячной армией для нападения на племена ху. В результате захватили земли Хэнани.

Лу-шэн дал Ши-хуану совет: «Мы, ваши слуги, ищем чудодейственное растение чжи и святых, но никак не находим их, поскольку какие-то существа мешают нам. В [правилах] магии [говорится, что] повелитель людей временами должен действовать скрытно, чтобы избежать встреч со злыми духами. Если он избежит злых духов, явится праведник. Когда местопребывание повелителя людей известно его подданным, это мешает небесным духам. Праведники, входя в воду, не намокают, попадая в огонь, не обжигаются, [они] прячут в облачном эфире и существуют вечно, как небо и земля.

Ныне вы, государь, управляя Поднебесной, не можете пребывать в покое и бездействии. Желательно, чтобы в дальнейшем люди не знали, в каком вы, государь, дворце находитесь, и тогда снадобье, [дарующее] бессмертие, можно будет добыть».

Ши-хуан на это сказал: «Я преклоняюсь перед праведниками, [поэтому] я буду именовать себя “праведником”, а не говорить о себе “Мы”».

[Он] повелел соединить между собой двойными дорогами и дорогами, огороженными валами, все двести семьдесят дворцов, расположенных вокруг Сяньяна в пределах двухсот ли, наполнить комнаты во дворцах занавесями и пологам, колоколами и барабанами, населить их красавицами. Все-му было определено место и не разрешалось перемещать [что-либо]. [Когда император] куда-либо являлся, того, кто сообщил о его местопребывании, наказывали смертью. <...>

Хоу-шэн и Лу-шэн (шэн здесь дано в значении ученый – Примеч. ред.), советуясь между собой о задуманном, го-

ворили: «Ши-хуан по природе своей жесток и своенравен. Выйдя из чжухоу (удельных князей – *Примеч. ред.*), он объединил Поднебесную, все его намерения исполнялись, всем его желаниям следовали, и [он] стал считать, что с древних времен никто не может сравниться с ним. Он особо полагается на тюремных чиновников, и только они пользуются его расположением. <...> Государь радуется, что внушает трепет наказаниями и казнями, в Поднебесной [чиновники] боятся наказаний, держатся за жалованье, никто не смеет выполнить до конца свой долг преданности. Государь ничего не узнаёт о [своих] ошибках и день ото дня становится все заносчивее, а низшие запуганы и подавлены, лгут, чтобы приспособиться. <...> Коль скоро жажда власти у императора дошла до таких пределов, незачем добывать для него снадобье, дарующее бессмертие».

И они бежали. Ши-хуан, услышав о бегстве, страшно разгневался и сказал: «Я еще раньше собрал книги в Поднебесной и выбросил все ненужные из них. Призвал отовсюду ученых-начетчиков и множество магов, желая с их помощью установить Великое спокойствие. Маги обещали постараться и добыть чудесное снадобье. Ныне я узнал, что Хань Чжун бежал, не доложив [о результатах]. Сюй Ши и другие истратили огромные суммы — десятки тысяч монет, но так и не нашли снадобья, зато в своих низких, корыстных интересах наперебой каждый день докладывали [об успехах]. Лу-шэна и других я весьма щедро одаривал, а теперь они клеветают на меня, обвиняя в отсутствии добродетелей. Что касается ученых мужей, находящихся в Сяньяне, то я послал людей расследовать, кто распространяет клевету, чтобы внести смуту в массу черноголовых».

Затем [Ши-хуан] послал цензоров допросить всех ученых. Ученые мужи стали наговаривать один на другого, чтобы обелить себя. Нарушивших запреты и законы насчитали более четырехсот шестидесяти человек, их казнили в Сяньяне. Сделали так, чтобы Поднебесная узнала об этом в назидание на будущее. <...>

Основные записи о деяниях Сяо У

<...> В это же время жил некий Ли Шао-цзюнь. Так как он знал порядок принесения жертв богу очага, знал [секреты] принятия пищи и долголетия, он явился к императору, и император отнесся к нему с уважением. <...> [Шао-цзюнь] скрывал свой возраст, место, где родился и вырос. Он всегда говорил, что ему семьдесят лет и что он может приказывать духам и отдавать старость. <...> Люди, слыша, что он может приказывать душам умерших и отдавать старость, стали все больше одаривать его, и у него в избытке появились золото, деньги, шелка, одежды и пища. Увидев, что [Шао-цзюнь] имеет все в избытке, хотя не занимается каким-либо делом и к тому же не знает даже, откуда он родом, люди еще более уверовали в него и наперебой стремились услужить ему. <...> Шао-цзюнь сказал императору: «Если принести жертвы богу очага, можно вызвать души умерших; вызвав души умерших, можно превратить киноварь в золото; а если из полученного золота сделать посуду для питья и еды, можно продлить жизнь. Продлив жизнь, можно встретиться с небожителями, живущими на горе Пэнлай, находящейся посреди моря; а если встретиться с небожителями и принести там жертвы Небу и Земле, то будет достигнуто бессмертие. <...>. После этого Сын Неба начал лично приносить жертвы богу очага, послал магов в море на розыски небожителей с горы Пэнлай, подобных Ань Ци-шэну, и занялся превращением киновари и различных составов в золото. <...> Поиски Ань Ци-шэна с горы Пэнлай были тщетны, и тогда многие странные и подозрительные маги, жившие вдоль берега моря в землях Янь и Ци, стали, подражая [Ли Шао-цзюню], наперебой докладывать о делах, связанных с духами. <...>

Люди, посланные в море на розыски горы Пэнлай, доложили, что хотя гора Пэнлай недалеко, но они достигли ее не смогли, по-видимому, из-за того, что не видели облаков, поднимающихся над горой. Тогда император послал людей, которые, как говорят, были искусны в наблюдении за эманациями, чтобы они помогли обнаружить эти облака <...>

Через несколько лет наступило [подходящее] время для выезда. Сын Неба слышал от Гунсунь Цина и магов, что при Хуан-ди и до него во время принесения жертв Небу и Земле всегда вызывались диковинные существа и устанавливались связи с духами, поэтому он хотел, подобно Хуан-ди, прославиться в мире встречами с духами, небожителями и мудрецами с горы Пэнлай. <...> И император стал усиленно использовать учение конфуцианцев, чтобы украсить церемониал жертвоприношений. Однако ученые-конфуцианцы не могли ясно рассказать о жертвоприношениях Небу и Земле, кроме того, они были скваны [толкованиями] Шицзина и Шаншу и других древних сочинений и не осмеливались внести что-либо [новое].

<...> Уроженцев владения Ци, которые представили императору доклады с рассказами о чудесных явлениях и о способах магии, насчитывалось десятки тысяч, но ни одно из них не выдержало проверки. Тогда [император] отправил множество судов, приказав нескольким тысячам человек, рассказывавшим о чудесных горах в море, отправиться на этих судах на поиски небожителей с горы Пэнлай. Гунсунь Цин с верительным знаком в руках все время следовал впереди, высматривая знаменитые горы. Достигнув горы Дунлай, он доложил, что заметил ночью человека, рост которого достигал нескольких чжанов, но, когда он направился к нему, человек исчез и удалось увидеть только следы его ног, которые, как он говорил, были необыкновенно большими и походили на следы птицы или зверя. Некоторые из чиновников доложили, что видели старца, ведущего за собой собаку, и старец сказал: «Я хочу повидаться с Великим гуном», после чего внезапно исчез. Хотя император и увидел огромные следы, но не поверил, [что их оставил небожитель]. Однако когда чиновники рассказали про старца, он твердо уверовал, что это были небожители. Поэтому он задержался на берегу моря, предоставив магам множество повозок, и втайне отправил [кроме них] на розыски небожителей тысячи людей. <...>

Гунсунь Цин сказал: «Небожителей можно увидеть, но поскольку вы, император, всегда спешили, когда выезжали [для этого], то и не встретили их. Если сейчас вы <...> постройте башню, подобную имеющейся на городской стене Гоуши, положите в нее сушеного мяса и фиников, тогда, должно быть, удастся вызвать небожителей. Ведь небожители любят останавливаться в высоких башнях».

Тогда государь приказал построить в Чаньани башни Фэйлянь и Гуйгуань, а во дворце Ганьцюань — башни Ишоугуань и Яньшоугуань, повелев [Гунсунь] Цину, имея при себе верительную бирку и приготовив жертвоприношения, ожидать небожителей <...>

После того как ныне правящий император совершил жертвоприношения Небу и Земле, в течение [последующих] двенадцати лет он посетил пять горных вершин и четыре больших реки. Между тем маги, наблюдавшие за духами и приносившие им жертвы, а также выезжавшие в море на поиски горы Пэнлай, никак не могли подтвердить [свои рассказы]. Что касается Гунсунь Цина, наблюдавшего за духами, то хотя он и ссылался на обнаруженные следы великана, но это также не принесло результатов.

Поэтом Сын Неба, [хотя] мало-помалу пресытился пустыми рассказами магов о чудесах, все же не рвал с ними связей в надежде встретиться с настоящим магом. В дальнейшем магов, говоривших о жертвоприношениях духам, стало еще больше, но какой был толк, все могли видеть.